

История и личность в рассказах-миниатюрах Алексея Ремизова. Цикл «Бедовая доля». Рационально - иррациональный аспект художественного мира писателя

Сергеев О.В.,

Доктор филологических наук, доцент, Московский государственный областной университет, факультет русской филологии, Москва, Россия, oleg1405@yandex.ru

Статья посвящена миниатюрным прозаическим текстам А.М. Ремизова, объединённых темой «террора истории» над обычным, «дюжинным человеком». В этих рассказах крупные исторические личности, люди «недюжинные», появляются как симптомы трагической судьбы России. В статье на материале сравнения двух изданий (Россия, 1910-1912 и Париж, 1950-е) рассматриваются разные аспекты художественного мира писателя, разделённого двумя потоками литературного процесса — русского «Серебряного века» и литературы Русского Зарубежья. Свою долю писатель всегда связывал с судьбой Родины, поэтому парадоксальные формы восприятия истории представлены через различные формы постижения сложных моментов индивидуальной судьбы, связанной с бытом, и прорывами в бытийные формы человеческого существования.

Ключевые слова: Сны и художественные сновидения, история литературы, психологизм литературы, историософия, текстология.

Для цитаты:

Сергеев О.В. История и личность в рассказах-миниатюрах Алексея Ремизова. Цикл «Бедовая доля». Рационально - иррациональный аспект художественного мира писателя [Электронный ресурс] // Язык и текст langpsy.ru. 2016. Том 3. №4. URL: <http://psyjournals.ru/langpsy/2016/n4/Sergeev.shtml> (дата обращения: дд.мм.гггг) doi: 10.17759/langt.2016030408

For citation:

Sergeev O.V. History and person in short stories of Alexis Remizov The cycle «Poor fortune» Rational-irrational aspect of the writer's fictional world [Elektronnyi resurs]. *Jazyk i tekst langpsy.ru [Language and Text langpsy.ru]*, 2016, vol. 3, no. 4. Available at: <http://psyjournals.ru/langpsy/2016/n4/Sergeev.shtml> (Accessed dd.mm.yyyy) doi: 10.17759/langt.2016030408

Ещё недавно, на Съездах российских писателей, А.М. Ремизова называли «забытым русским писателем» (Д.С. Лихачев, М.Ф. Ненашев). Всё быстро переменялось: на прошлогодней Книжной ярмарке интеллектуальной литературы Nonfiction № 17 (24-29 ноября 2015 года), А.М. Ремизов занял центральное место на стенде Пушкинского дома РАН, ИРЛИ. Трёхтомное издание его «Дневника мыслей» подготовлено А.М. Грачёвой. В 2013 году в Манеже на Моховой улице в Москве проходила выставка графики А.М. Ремизова, организованная Литературным музеем и зарубежными музеями. Выставки эти вызвали неподдельный интерес зрителей, в том числе и впервые пришедших к Ремизову.

Автор «Бедовой доли» известен как собиратель старины: древних рукописей, всяческих артефактов. Его спутница жизни С.П. Ремизова-Довгелло была палеографом. Это повлияло на манеру писателя работать со своими рукописями. Ремизовские бумаги меняют привычное представление о тексте. Рукописи — это не просто текстологический источник, а произведения искусства. Поэтому

многие настоящие ремизоведы, имеющие доступ к его рукописным сочинениям, считают важным делом издавать Ремизова факсимильно: ИРЛИ выпустил его «Рукописные книги». Издательство «W. Fink» ещё в советскую эпоху выпустило в Германии факсимильное издание «Сочинений» Ремизова 1910-х годов.

Цикл снов «Бедовая доля» А. Ремизов посвятил своему другу Льву Шестову. Посвящение редко определяет суть книги. В случае с Ремизовым и Шестовым — несколько иначе. Они встретились в Киеве: после ссылки Ремизову определенное время нельзя было жить в столицах. Познакомил их Н. Бердяев в конце ноября 1904 г. Знакомство с годами переросло в «дружбу на всю жизнь», и Шестов стал даже ближе, чем старый приятель Н. Бердяев: «Мне с моим взбалмошным миром без конца и без начала, Шестов пришелся на руку, легко и свободно я мог отводить свою душу на всех путях ее «безобразия». И моим «фантазиям» Шестов верил, доверчиво принимая и самое «несообразное...» [4]. А. М. Ремизов считал, что из всех писателей Шестов лучше других понимает его, терпит его чудачества. Он был одним из его «посвященных».

Сочетание рациональных и разного рода аномальных аспектов художественного восприятия личной судьбы наиболее ярко проявляется в любимой среде А. М. Ремизова — в мире снов.

В очерке «Тонь ночи» (1954), вошедшем в последний сборник снов «Мартын Задека». Сонник» (1954), Ремизов попытался обобщить, что ему снилось за всю жизнь. Говоря о писателях, он вспомнил их образы: «Лев Толстой, Достоевский, Пушкин, Хомяков (сон в «Подстриженных глазах»), Розанов, Лев Шестов (всегда к деньгам), Чехов, Горький, Андрей Белый, Блок, чаще всех, и Пришвин» [3].

Последняя книга рассказов-миниатюр, которые по форме являются снами, содержит по большей части старые истории из «Бедовой доли». Другие циклы рассказов-снов («С очей на очи», 1913; «Кузовок», 1915) не менее интересны. Однако в книгу «Мартын Задека» Ремизов собрал те, что прежде входили в первую его книгу. Цикл замкнулся. Возврат к первоопытам знаменовал и завершение жизненного цикла. Вероятно, поэтому некоторые сны он связал с «личной» памятью. Так, сон «Бабье лето» (1910) он переименовал («Мать», 1954), подчеркнув главную мысль своего творчества — мысль о матери. Много снов связано с родным домом в Толмачевском переулке, где он родился; появляются сны сакрально-личные — о смерти дочери («О тебе — Наташа», 1947). Усиление личного — определенная закономерность в поздних ремизовских снах. В первом цикле, «Бедовая доля», он сначала помещает фантазмагорические рассказы, которые только внешним образом связаны с поэтикой сновидений, затем появляются рассказы, связанные с его личными психологическими проблемами, например, с переживаниями во время переездов с квартиры на квартиру, мечтами о поездках к морю и за границу.

«Снотворчество» Ремизова изначально двойственно: оно посвящено близким «посвященным» и чужим, не знающим его как человека. Именно поэтому он снабдил сны предисловием с традиционным обращением к «благосклонному читателю» [6]; он явно хочет сделать своих читателей друзьями. Подобное проявление авторской любезности может вполне естественно расцениваться как неуверенность в том, как он (автор) будет воспринят.

Цикл «Бедовая доля» вызвал после публикации ряд отзывов, в которых главным было недоумение [1]. Основное настроение критики — непонимание и нежелание понять. Тем не менее, язык снов он считает универсальным. Он верит в то, что до сих пор было самым темным и таинственным в литературном произведении — сон — теперь станет понятным многим.

А. Ремизов выбирал для толкования своих снов самые простые книги, хотя окончательный ответ он искал не в сонниках, а в жизни, основываясь на своей житейской философии. Одна из книг, к которым А. Ремизов обращался особенно долго и наиболее часто — сонник Мартына Задеки. Писатель подчеркивал: «Восток — родина снов и сонников (снотолкований). Самый равнодушный

читатель, раз заглянув в книгу, никогда от нее не отделается: всякое утро, вспоминая сон, хватится, чтобы узнать — «что сей сон значит?» И самое несуразное толкование не отпугнет: ведь когда-нибудь непременно же случится — «исполнение сна». Любопытство обеспечивает успех книги» [4]. Ремизов не стыдится, в отличие от людей пушкинской эпохи, обращаться к таким сонникам. Для него Мартын Задека — «вечный спутник» мечтателей, чудаков. Поэтому итоговую свою книгу, состоящую из старых снов и дополненную теми, что приснились и запомнились в изгнании, он назвал «Мартын Задека». Эта книга интересна помимо ее оригинальной композиции с возвратами, с делением на части и уровни, распределение снов «по температуре» (жаркие, холодные), по календарю, по чувствам и ощущениям: «клеящие», т.е. неотвязные, неприятные] еще и тем, как объясняет, комментирует, связывает свои разновременные запомнившиеся и записанные сны сам автор.

Образ Мартына Задеки пришел с Востока, но стал знаменитым в России благодаря Пушкину. Так, в авторском «Примечании» к роману «Евгений Онегин» А.С. Пушкина читаем: «Гадательные книги издаются у нас под фирмою Мартына Задеки, почтенного человека, не писавшего никогда гадательных книг, как замечает Б.М. Федоров» [2]. Примечание это было, как указал Ю.М. Лотман, полемическим ответом на нападки критика Б.М. Федорова в журнале «Санкт-Петербургский зритель» (1828, кн. 1). Имеется в виду книга «Древний и новый всегдашний гадательный оракул, найденный после смерти одного шестидесятилетнего старца Мартина Задека, по которому он узнавал судьбу каждого чрез круги счастья и несчастья человеческого, с присовокуплением волшебного зеркала или толкования слов; также правил Физиогномии и Хиромантии, или Наук как узнавать по сложению тела и расположению руки или чертам свойства и участь мужского и женского пола с приложением его, Задека, предсказания любопытнейших в Европе происшествий, событием оправданное, прибавлением Фокус-Покус и забавных загадок с отгадками» (1814). Лотман обращал внимание на то, что книга эта была хорошо известна многим российским просвещенным читателям, например, декабристам.

Образ Мартына Задеки вызвал интерес у многих исследователей. В числе их — прежде всего, комментаторы «Евгения Онегина» В. Набоков и Ю. Лотман. Набоков склонен рассматривать образ «главы халдейских мудрецов» «как сфабрикованный в 1770 г. безымянным литературным поденщиком, швейцарским немцем, который мог произвести имя своего мудреца от цаддика (раввинское звание, означающее «особо праведный»). Набоков в своем комментарии обращается к заинтересовавшим его книгам «Древний и новый всегдашний гадательный оракул, найденный после смерти одного шестидесятилетнего старца Мартина Задека» (1821) и «Предсказания Брюса и Мартына Задеки» (1880). К числу его находок относится обнаруженный в библиотеке Базеля сборник памфлетов XVIII в. с пророчествами Мартина Задеки, «швейцарца из Золотурна», благочестивого отшельника, который перед смертью прорицал будущее (в числе его предсказаний особо интересный фрагмент для русского исследователя — судьба России). Лотман в основном повторяет В. Набокова, когда дело идет о литературно-исторических фактах, дополняя некоторые недоговоренности у Набокова и уточняя названия книг-сонников. Однако и тот и другой проявляют повышенный интерес к сну Татьяны и ко всему тому, что окружало этот сон.

Мартын Задека в отечественных справочниках — мифический автор сонников и оракулов, которые всегда приписываются Мартыну Задеке. Естественно, это не единственное имя, которым подписаны многочисленные сонники, содержащие толкования образов снов. Энциклопедические справочники, действительно, дают чаще всего лишь поверхностную информацию. Но в данном случае, эта информация четко соответствует тому, что сообщают нам писатели о Мартыне Задеке.

Для человека XIX в. сонник — чаще всего помощник, указчик и подсказчик в трудные минуты. Восприятие снов в конце XIX -начала XX века усложнилось. Ремизов полагал, что одной из причин усиления интереса к сну была книга Фрейда «Толкование сновидений» (1899). Ремизов

считает работы Фрейда лишь началом изучения снов. К тому же научность, которая является главной особенностью этой знаменитой книги, отталкивала Ремизова (как и многих русских писателей), но причиной, по иронии, объявлялась «лженаучность» Фрейда. В целом можно сказать, что его неприятие в литературной и околосредовой среде носило иррациональный характер. Однако для Ремизова Фрейд — прежде всего экспериментатор с чисто художественным типом мышления. И это ближе к истинному восприятию З. Фрейда в России. Он по-новому рассматривал старую проблему сна, тем был и остается интересен.

Ремизов пытается создать свою философию сна: «Воспоминание снов увеличивает чувство жизни. Через сон человек проникает на «тот» свет; это единственная дверка. Сны бывают ясные, яркие и смутные. <...> во сне же, когда человек освобождается прежде всего из-под власти трехмерного пространства, впервые появляется чувство «свободы» и сейчас же обнаруживаются чудеса «совместности» и «одновременности» действия, немислимые в дневном состоянии. Сон, и если даже он вспоминается, ослабленный дневным «причинным» сознанием, все-таки обогащает жизнь: события сна всегда ярче и резче, а чувства глубже»[4, с. 233].

Сны Ремизова, объединенные в циклы, часто публикуются в традиционной «рамочке»: авторское предисловие (или эпиграф), финальное примечание (или заключение). Внетекстовые элементы являются органической частью ремизовского мира снов и художественного мира в целом. В «Мартыне Задеке» (1954) восемь эпиграфов: 1-й — из «Евгения Онегина», 2-й — из Гете, 3-й — из Эразма Роттердамского, 4-й — из Розанова, 5-й — из Гофмана, 6-й — из документа XVII века, 7-й — из Достоевского, 8-й — из «Гамлета» Шекспира. В этих эпиграфах варьируется по-разному мысль об аномальности снов: начиная от мотива чудачества, глупости, чепухи у Эразма, в документах эпохи царя Алексея Михайловича до фантазмагорического у Гофмана, Розанова и — мистического у Шекспира. Эпиграфы на первый взгляд противоречат содержанию книги.

Но вернемся к первой книге. Открывает ее «Верейский тигр». В сборнике «Рассказы» (1910) этот сон назван «От тигра до крючка». Сочетание слов в названии сна — абсурдное: никаких тигров на Верейской улице в Петербурге быть не могло. Тигр в этом сне — одно из воплощений спящего. Вероятно, что между образом тигра в этом сне и в сне-рассказе «Чучело» (1915), где упоминается чучело тигра, есть определенная связь. Ремизов любил разного рода экзотические игрушки, в том числе и чучела экзотических животных, любил играть с ними.

В снах «Верейский тигр» и «Чучело» Ремизов явно противопоставляет себя обычным людям, которые мирно прогуливаются по городу, увлечены своими делами и уже этим досаждают рассказчику: тигр мирно лежит в Летнем саду, а на него никто даже смотрит. В произведениях Ремизова, в которых есть фантастические элементы, "звучит" мотив возверения, в противовес понятию «вочеловечения»; понятие это благодаря символистской поэзии приобрело чисто художественный смысл, однако первоначальное значение этого слова было чисто религиозным. Этим словом, «вочеловечение», отцы церкви называли божественное воплощение Христа в человеческом облике.

Место действия, — Верейская улица в Петербурге, — известно Ремизову. Место это нечистое: здесь находились дешевые кабаки, где собирались матросы, проститутки. Некоторое время в Петербурге Ремизовы вынуждены были жить около подобных мест. Художественный ландшафт в этом сне очень важен. Разрядкой выделены названия самых известных, в том числе и «парадных», мест в городе: «Летний сад», «Домик Петра Великого». Ремизов не принадлежал ни в жизни, ни во сне к тем, кто наслаждался отдыхом в этих местах.

Оппозиция «личность — толпа» в этом сне нивелируется. Герой сна возмущен лишь мелочностью забот праздных, суестьихся людей. Этим и вызвана обличительная реакция рассказчика сна: «<...> зрение их мутно и коротко, души их дряблы, а лица перекошены на сторону

[6, с. 167]. Однако, «обличая спасителей, — повествует рассказчик сна, — замолот такую чепуху, что у меня самого помутнело в глазах, душа обмочалилась, а лицо перекосило» [3, с. 168]. Обличитель в данной ситуации ничуть не лучше обличаемых. Ремизов подчеркивает это, говоря о своем состоянии более резко, образно (особенно в замечании «душа обмочалилась»), чем о состоянии других, чужих людей.

Мотив дегенерации замещается в этом сне превращением. Прием превращения — чисто сказочный. В сне «Верейский тигр» несколько превращений: 1) тигр, 2) человек толпы, 3) птица, 4) лиса и 5) снова птица.

Метаморфозы связаны разными причинами: чудо (сны первый и третий), опасность (сон четвертый), самоидентификация (отчасти сны третий и пятый). Сущность спящего в этом сне проявляется в его «птичьей природе». Ремизов неоднократно подчеркивал то, что его фамилия связана с образом замечательной певчей птицы, ремезом. Собственная легенда о птичьем происхождении — достаточно устойчивая. Например, в книге «Звезда надзвездная. Stella Maria Maris» (1928), где он рассказал, что был той птичкой, которая пробудила Богородицу от сна в час крестной муки Спасителя. Птица эта, в чем Ремизов убежден, создана Богом на радость людям и всему миру.

Сны и сонники Ремизова в целом — это именно проба, как у Раскольникова, которому снились только преступления. Только Ремизов переступает через черту обычной реальности. Нормальность, человечность, в отличие от плебейской демоничности студента Раскольникова, проявляется в том, что Ремизов возвращается в человеческий круг жизни. Сон и пробуждение спасают его от опасности, которая имеет скрытые психологические свойства. Сон не дает этим латентным свойствам проявиться.

У Ремизова в первом сборнике снов заявляется мысль о том, что сон сильнее смерти. Было ли это сознательным авторским решением или нет, установить по письмам или воспоминаниям пока трудно. К этому циклу он прибавил заключение, которого не было в снах, которые он публиковал отдельно, вне связи с другими снами в журналах и альманахах: «Ко всякому сну одинаковое заключение: — «Тут и проснулся». Оно, это примечание, особенно важно для понимания процесса формирования концепции жизни у писателя. Автор подчеркивает мысль о том, что это только сон. Но что не менее важно, Ремизов подводит нас к мысли — сон сильнее смерти. Эта мысль постепенно становится собственностью читателя. Побед сна и жизни над ненавистной ему смертью.

Основная функция снов у Ремизова — чисто творческая, регенеративная. Сны не только примиряют его с жизнью и с житейским злом, но и показывают ему, что зло не страшно. У Ремизова мы видим желание сочетать в жизни и творчестве мудрость шуток, глупости, игру и переживания чего-то страшного, которое сопровождает и игру и шуток. Воплощением этого желания стал союз человекообразных умников и шутников, Обезьянья великая и вольная палата. Наиболее интересным для изучения истории создания, понимания идеи и сути этого общества можно считать «обезьяний сон», «Обезьяны» (1910). Это своего рода предыстория, точнее праистория союза. Сон является одним из многочисленных эпизодов полупризрачного-полуреального и полуигрового существования этого необычного общества. Некоторые сравнивали Обезвельволпал с Всешутейным Собором Петра I, другие видели в этом обществе сходное с полутопическим, полусатирическим обществом гуигнмов Свифта. Есть связи и с «наоборотным обществом» Екатерины II.

М. В. Козьменко указывает на более существенное для Ремизова — связь с обществом пифагорейцев. Эта связь проявляется в общих чертах философского отношения ко сну пифагорейцев, в античности, и Ремизова, в XX веке.

Во сне, как считает Ямвлих, биограф Пифагора, люди сталкивались с множеством враждебных человеку образов, символов. Познание было связано со способностью очищать свою

душу от лишних, мешающих постижению мудрости и истины, представлений. Символика сновидений Пифагора осталась тайной для последующих поколений. В.Б. Черниговский говорит о ней лаконично, пытаясь избегать спорных и темных мест: «Пифагор, как и египетские жрецы, обучал с помощью символов для того, чтобы, с одной стороны, избежать профанации, с другой — дать наглядное чувственное выражение реальностей иного мира, так как «символ» буквально означает «соединение, совпадение», т.е. через символ осуществляется соединение этого и того мира».

О каком соединении ведется речь, конкретно не совсем ясно: соединение или «прорыв» в другой, неясно, правда, какой, соседний или далекий миры. Эта проблема интересовали русских символистов и некоторых футуристов (больше всего В. Хлебникова). Ремизова больше влекли сферы соединения, различные интерференции этих миров. В его увлечении математикой даже в юношеские годы примешивался и мистический, в духе Пифагора, магический интерес. В сне «Великан» (1914) Ремизов повторяет слова Пифагора: «Сущность вещей число!». Суть этого сна «огненная»: в финале спящий определяет свое состояние — «память моя запылала». Так, образно, звучат отголоски учений самых таинственных для писателя мыслителей — Гераклита Темного и Пифагора. Ремизов соединяет две сферы бытия — «численно-часовую» (спящий укреплен в времени, он находится в своей комнате, знаменитой кукушкиной комнате — с часами-кукушкой) и конкретно-пространственную (ему снится лес, болото).

Сон «Великан» (первое название — «Конь-игрень», 1915) — более «научный», чем другие. Образы здесь несут отпечаток художественного и «математического» восприятия. Художественная сторона связана с волшебными сказками о зверях и великанах. Ремизову снится, как он скачет на коне. Причем этот конь своими резкими контурами очень напоминает или стол или табуретку. Гротескность этого образа сразу бросается в глаза — вместо головы — мышь, вместо шеи — квадрат, вместо седла — засиженная клеенка. Вероятно, что этот сон демонстрирует подсознательное желание спящего покинуть привычные стены своего кабинета-гостиной-спальни. Болотная кукушка — центральный образ сна «Великан». Известно, что Ремизов особенно бережно относился к «интерьеру» своей кунсткамеры, «кукушкиной комнаты». После отъезда из России, он восстанавливал эту комнату и в эмиграции. Эта кукушка символизирует время, отпущенное спящему. Повторяя цифры «8-4-2», Ремизов создает (вольно или невольно) количественный символ. В природе количественного символа есть одно очень важное для системы ремизовского символаобразования свойство — внутритекстовое повторение: счет «8-4-2» звучит дважды. Суммарное число 14 символизирует преодоленное время: часы с кукушкой, как известно, больше 12 не бьют. А вот в произведениях Ремизова мы услышим и тринадцатый (Кости Ключкова) час в романе «Часы», и четырнадцатый в сне «Иван Грозный» (юродивый). Часы у Ремизова — устойчивый символ, который появляется в разных произведениях. Он знаменует собой идею тирании судьбы и времени. Герои Ремизова часто преодолевают время, но не могут преодолеть власти судьбы. Так, его Маракулин избежал намеченного срока гибели, но погиб именно так, как видел во сне.

В «Великане» побеждает рациональное число 12. Однако счет ведется с точки зрения вечности: «Тебе за это вычтут там, из вечности». Нарушение законов времени компенсируется в сне вмешательством коррелирующего голоса. Такие голоса у Ремизова выполняют роковую роль: например, в финале романа «Крестовые сестры» — возглас «болотная голова». К слову сказать, весь этот роман выполнен в сновидческой манере. В сне «Двойник» (1910) Ремизов слышит, как «в комнате, где, кроме книг и игрушек, ничего не было, кто-то квакал. А была ночь».

В сне «Великан» роковая роль отведена говорящей птице. Сказочность сна не только во вмешательстве мудрой птицы-вещуньи в судьбу героя, но и в том, что она определяет ее, — долгий, как мы и увидим, век в 80 лет: «Вылови лягушек, выполи водоросли, проберись через осоку, тогда пробьет твой час». Эта «задача» построена на принципе уменьшающейся, а не на увеличивающейся, как в сказках, сложности. Выловить лягушек в болоте труднее, чем выловить водоросли, а пробраться

через окошку и вовсе легко. Таким образом сновидец узнает самое главное во сне. Связь со временем, так настойчиво проводимая, говорит о том, что для Ремизова важнее всего показать реальность снов.

В книге «Мартын Задека» автор уделяет внимания сочетаемости снов намного больше, чем в «Бедовой доле». Из записанных и опубликованных в разные годы снов он выстраивает в конце жизни своеобразную мозаику. В начале книги образ вечности «сквозит» через часто кажущиеся пустяковыми образы в снах «Ивица», «Медведица», «Кошка», «Спутник», «Великан», «Бескрылый», «Зеленая заря», «На Луну», «Чучело» и др.. Взятые подряд, эти сны демонстрируют усиление звучания темы вечности и бесконечности.

Сон «Чучело» построен на приеме пространственно-временного переноса. В окончательной редакции 1954 года Ремизов меняет место действия: вместо квартиры на 14-ой линии Васильевского острова (последний петербургский адрес Ремизова) — улица Буало, дом на которой стал последним парижским адресом писателя. Его посещает А.А. Блок: «Ваша Rue Voileau, говорит Блок, ничуть не меньше 14 линии Васильевского Острова». Сюжет этого сна можно обозначить как встречу. В первой редакции — визит живого друга, во второй — мертвого. В этом сне у друзей общее — увлечение Пифагором.

На второй Международной конференции 1992 года по творчеству А. Ремизова в одном из докладов этот сон рассматривался в футурологическом аспекте: Ремизов, оказывается, передал ощущения полета в невесомости. Место действия — квартира Блока, в ней отсутствует обычная обстановка, только «рояль пепельно-зеленый, привинчен к стене, ножками не касается пола». В этом сне самое важное — в отрыве от земли, отказ от земного притяжения: Ремизов «и еще четверо похожих, белые, они вышли из звуков, и, сплетаясь, закружились».

Несколько типов снов выделил сам Ремизов: 1) сон является воспоминанием о «пражизни»; 2) сон-связь с неизвестными людьми; 3) сон открывает правду о себе; 4) сон открывает завтрашний день; 5) сны отражают жизнь слов, звуков, красок, чувств. Особый разряд — календарные сны, обычно у Ремизова это сны накануне двенадцатых праздников.

Многие сны в 1-ой части «Бедовой доли» связаны с легендой писателя [создание обезьяньей Палаты — (2); выработка юродского поведения, любопытство к разного рода сборищам — (5); «кочевание»].

Сон «Обезьяны» — предыстория Обезвельволпала. В этом сне отразилась любовь Ремизова к животным. Ремизов ценит «звериный ум», любит звериную душу. Самое ценное качество в обезьянах — любовь к свободе и их «непохожесть» на людей. Этот сон явно перегружен подробностями жестокой расправы над обезьянами. Чувствуется, что «спящий» кровными узами связан с обезьянами. Он представляет себя предводителем шимпанзе. Изобретательность и жестокость людей, на которых возложена обязанность «исполнять наказания», — вот что видит Ремизов в организаторах и проводниках государственного террора.

Главный враг в этом сне — «всадник, весь закованный в зеленую медь». На медном коне — без сомнения Петр I. Он появится в «Бедовой доле» еще раз, в сне «Воронье перо». Можно говорить именно о ненависти Ремизова к Петру Первому. Ненависть Ремизова к Петру I — давняя и прочная. Интеллигенция России конца XIX-начала XX века считала — что все хорошее от Петра, и все плохое — тоже от Петра. Г. Адамович, считал, что Ремизова влечет допетровская Русь, «одуревшая от сна» Русь Алексея Михайловича. Личность этого государя особенно близка Ремизову. Остроумный Г. Адамович объяснял эту симпатию эпонимией, совпадением имен — оба они, Ремизов и Государь, — Алексеи Михайловичи. Что до исторических идеалов, то здесь не все ясно; но что касалась того, что не принимал Ремизов — здесь все более понятно.

Русское генетическое мышление, в основе которого была своеобразная отрицательная диалектика, было главной особенностью духовно-душевного склада писателя. Это позволяло Ремизову высказывать совершенно обратное тому, о чем писали до него. Даже почитаемый столь же трепетно, как и любимые Ремизовым святые, Николай и Георгий, Достоевский мог у него вызывать неприятие и несогласие. Спорная и многим известная точка зрения Достоевского по поводу развития религиозного чувства для творческой личности может быть основой для самостоятельной позиции: «Лжи и фальши в московский период — было довольно<...> Ложь в общественных отношениях, в которых преобладало притворство, наружное смирение, рабство и т.п. Ложь в религиозности, под которой если и не таилось грубое безверие, то, по крайней мере, скрывались или апатия или ханжество». Ремизову, кажется, ясно, что все это не только не исчезло при Петре, но и приобрело явный демонический, антихристианский характер.

В сне «Обезьяны» «богобоязненные умники» пытаются применить к обезьянам «секретные средства профессора Болонского университета рыцаря Альтенара — потомка викингов Гренландии, Исландии и Северного Ледовитого Океана», а «крещеный и некрещеный русский народ надорвал себе животы от хохота» при виде жестоких мучений вольнолюбивых зверей. Подобных рыцарей, тайных или явных сатанистов, было особенно много при дворе Иоанна Грозного. Эти "секретные средства" связаны с алхимическими опытами, которые Ремизова интересовали еще со студенческой поры.

Сон этот также имеет больше общего с жанром рассказа, но в то же время он отягощен внесюжетными отступлениями. Ремизов не только рассказывает сон, он интерпретирует его, расширяет некоторые элементы повествовательной структуры. Нравственное содержание сновидения в этом тексте — основное. Фрейд, как и некоторые его предшественники (Мори, Штрикер), считал, что при всей иллюзорности картин сна, страх, испытываемый спящим, реален. Развитие аффекта в сне является спасительным. Троекратный петушиный клич во сне «Обезьяны» возвращает Ремизова в безопасную сферу бодрствования.

Сны Ремизова прочно укреплены в реальности. Они населены реальными людьми, точнее персонажи его снов — с реальными именами: почтовый чиновник десятого отделения Киселев (4), знакомый полотер с Зацепы (5), студент П. (6), кассир Беляков (7), сосед Власов (9), Авдотья (9), «нередкий спутник моих ночных походов» и «один известный русский поэт» (13), нянька Софоровна (16), художник Б. (16), нянька Ирinya, котенок Дымка (19); музыкант и знакомый сочинитель К. (II, 24), приятель, умерший несколько лет назад (II, 27). Сложность подобных снов заключается в том, что во сне, как считал Мори, пробуждается «инстинктивный человек», чье поведение и мышление диссонирует с внешними факторами.

Роль юродивого Ремизов опробовал в ссылке. Первый его псевдоним (по фамилии некоего юродивого — Н. Молдованов) тоже. Другое дело — редакторы больших журналов: они (например, В.Г. Короленко) не одобрили автора. Однако в жизни, особенно в литературной среде, Ремизов часто использовал маску юродивого в своих бесконечных шалостях.

Перемещение в пространстве для снов — явление обычное. Менее привычное и более захватывающее в снах — все-таки не путешествия, а превращения. Присмотримся к одному из них. Оно происходит в центре Москвы, на Лобном месте. Перемещения из Петербурга в Москву и обратно, как мы уже заметили — наиболее частые. Ремизов по рождению москвич, однако в истории литературы начала XX в. остался петербургским. По крайней мере, его произведения рассматриваются традиционно в петербургском контексте. В сне «Иван Грозный» (5) Ремизов мысленно возвращается в Москву, затем движется по «детскому маршруту»: «И ровно и в перегонку, уступая и толкаясь, мы бежим по Моросейке на Красную площадь». В сне «Иван Грозный» Ремизов видит себя в толпе. Асоциальность этого сна специфическая. Спящий находится одновременно и в толпе, и вне ее. Он «с помощью знакомого полотера с Зацепы» оказывается на кровле храма.

Интересна и пространственная подмена (верх-низ): рассказчик оказался на верху купола с помощью «знакомого полотера», а не с помощью «знакомого кровельщика». Близорукий писатель отмечает особенность избранной точки зрения: «прекрасно видно всякую мелочь». После упоминания «мелочи» появляется «маленький человечек: он был в высоких воротничках и смокинге, а голова его была повязана платком по-бабьи». По свидетельствам мемуаристов, когда Ремизов появлялся в смокинге, он представлял собой подобную забавную фигуру. Другая его слабость — наряжаться в женскую одежду. Так, художник Ю. Анненков изобразил его на своем известном портрете 1920 г. в женской кофте. В подобном наряде запомнил и нарисовал его в своих воспоминаниях В. Шкловский, а современный исследователь творчества А. Ремизова Вадим Чалмаев, остроумно назвал его «метафорой, закутанной в тряпки», перефразировав слова о Ремизове Юрия Иваска, в которых поэт сравнивает своего друга с закутанной в тряпки бабой. В. Чалмаев использовал стоящее рядом с фразой «закутанная в тряпки» слово «метафора», усложнив образ поэта.

Вполне вероятно, что в сне «Иван Грозный» главное связано с превращением, ситуацией подмены. Ремизов усложняет ситуацию, когда юродивый является противником светской власти, обвиняет царя. В двух «Житиях русских святых» (1908, 1916) можно найти множество примеров подобной неравной борьбы. В этом сне Ремизов как бы играет две роли: исполняет роли юродивого и царя. Примиряет и сближает царя с народом обезьянство, выражающееся в принятии, оправдании и объявлении новых заповедей наряду с десятью: «11-я. — Не зевай. 12-я — Ешь пирог с грибами, а язык держи за зубами. 13-я. Прелюбы сотвори. 14-я. Укради» (Ш, 173).

Уже начиная с третьего сна в пространство действия вовлекаются все новые и новые лица, не только знакомых и друзей, но также исторических деятелей. Функции их во сне многообразны. Первое: герой-свидетель оказывается в незнакомом или нелюбимом им месте («Верейский тигр»; «Иван Грозный»; «Ведьма»). В этих снах появляются тени, снообразы ненавистных Ремизову царей Ивана Грозного и Петра Первого. Но даже и незнакомые люди, которых он видит, можно сказать определенно, тоже вызывают неприязнь и более сильное чувство, презрение. Объяснение этого психологического негатива в том, что они живут во время правления деспотов. Но и его современники ему неприятны столь же сильно, как и современники царей Ивана и Петра. Причина этого сложнее. Дело в том, что Ремизов пишет о царях не только деспотах по своему образу правления, философии власти, но и еретиках. Их главная ересь в том, что они развратили лжеучением свой народ, превратили его в стадо. Толпа у Ремизова часто подменяет народ. Этот богобоязненный, трусливый сброд не только не отказался принять заповеди (он давно по ним живет), он радуется их легализации (в сне «Иван Грозный»). Во время Грозного эти заповеди были дописаны, провозглашены и приняты, как считает А. Ремизов, на веки вечные. А.Н. Панченко не без основания предполагает, что Иоанн Грозный создал вокруг себя окружение, которое могло состоять (пусть частично) из европейских сатанистов. Его опричники носили атрибуты сатанинских культов, а само понятие «опричники», «кромешники» имеет наряду с основным значением исключительности, еще и отпечаток иного смысла, нравственно, религиозного, связанного с сознательным служением «тьме кромешной». Вина, как считает Ремизов, лежит не только на царях-иродах, но и на народе. Проблема эта не решена, а провозглашена, обозначена по-пушкински: «народ молчит, закон молчит».

Второе: рассказчик сна оказывается изгнан или похищен из исторически близкой среды (1); из рая (второй рассказ-сон); из экзотических стран — Австралии, Африки, и Южной Америки («Обезьяны»); оказывается в какой-то подворотне (сны 8, 9); возвращается в место, памятное по причине какого-то несчастья (сны 9, 10). Герой обвиняет историю или враждует с окружающим миром (сны 1, 2, 10, 14). Герой превращается в жертву тирании истории (финал первого сна) или подвергается насилию (сны 4, 7, 8, 9, 11, 12, 15, 16, 19, 20).

Третье: свидетель встречается со сказочными, историческими или мифическими персонажами (сны 4; 6, 8, 20).

Четвёртое: рассказчик сна встречается с историческими лицами, с которыми у него есть «личные счёты» (сон 5); герой встречается с мертвыми людьми из прошлого — «известный русский писатель, умерший совсем недавно» (сон 19); приятель, умерший несколько лет назад (часть II, сон 27), отец (28); мать (часть II, сон 29). Место действия тоже легко регламентируется. Это города Петербург и Москва. В Петербурге: Летний сад (сон 1), Марсово поле (сон 2), новая квартира (сон 3), Обуховская больница; церковь Покрова (сон 4); своя квартира (сон 15); трансфер — из своей комнаты в незнакомую «просторную комнату» (сон 12); берег реки (сон 14); переход со своей квартиры — на «площадь к Совету, к памятнику Императору Петру Первому (сон 16). В Москве: Лобное место, кровля храма Василия Блаженного (сон 5); нежилой пустой дом (сон 6); «Хуторок», увеселительный сад (сон 7); дача в Петровском парке (сон 13); родной дом в Толмачевском переулке (сон 19).

Пятое: пространство, которое можно обозначить как символическое — в первой части: комната без окон в неизвестном доме (сон 8); «двенадцать подземных каморок» (сон 9); лестница на башню (сон 11); символическое пространство — берег реки, сошедшей с фресок в Благовещенском сольвычегодском соборе (сон 17); сводчатая комната (сон 18); сказочная страна, которой правит внук царя Салтана, царь Авенир - Индей (сон 20).

Ремизов исследует сложную диалектику отношений истории и отдельной личности, хочет дойти до «метафизической глубины человеческой души», услышать поддонное человеческого сердца и найти выход. История для него — это одна из форм террора времени. Человек является его жертвой изначально. Это стало главной темой его романа «Часы». В цикле «Бедовая доля» он с трудом удержался от соблазна передать «по дружбе» свою долю жертвы истории, свое Злочастье — другу, Льву Шестову. Для этого пригвоздил своих ночных гостей к бумаге, как Гойя своих чудовищ в «Капричос». Так безопаснее.

Литература

1. Блок А. Противоречия // Речь. СПб.: 1910. 1 фев. С. 2-3.
2. Набоков В.В. Комментарий к роману А.С. Пушкина «Евгений Онегин». СПб.: Искусство-Пб. Набоковский фонд. С. 194.
3. Ремизов А.М. Избранные произведения. М.: Панорама, 1995, с. 396-397.
4. Ремизов А.М. Памяти Шестова // Последние новости. Париж, 1938, 24 ноября.
5. Ремизов А.М. Сонник // «Воля России», 1926. кн. 8-9, С. 232-233.
6. Ремизов А.М. Сочинения: В 8-ми томах. СПб.: Шиповник, 1910-1912.

History and person in short stories of Alexis Remizov The cycle «Poor fortune» Rational-irrational aspect of the writer's fictional world

Sergeev O.V.,

PhD (Philology), Moscow Regional State University, Moscow, Russia, oleg1405@yandex.ru

This article devoted to short stories, written by A.M. Remizov. Selected stories are united thematically. All of them depicted terror of history. Victim of that terror is an ordinary men. Famous historic persons represented as symptoms of tragic fate of Russia. This issue contains comparison of two different editions of his book of dreams «Bedovaja dolja» («Bad fate» and «Martyn Zadeka») on the background of different art' periods, Silver age of Russian literature and émigré literature. As Russian artist Remizov used to feel his personal fate as a part of common fate of his main land, Rus-Russia. Because of it paradoxical forms of perceptions represented as different types of understanding complicated moments of individual life and existential moments of human beings.

Key Words: Dreams and fictional visions, history of literature, psychologism of literature, historiosophy, textology.

References

1. Blok A. Protivorechija [Contradictions]. Rech' [Speech]. Saint-Petersburg, 1910 . 1 Fevralja. pp. 2-3.
2. Nabokov V.V. Kommentarij k romanu A.S. Pushkina «Evgenij Onegin» [Commentary on the novel by A. S. Pushkin's «Eugene Onegin»]. Saint-Petersburg: Iskusstvo. Nabokovskij fond. 1998, p. 194.
3. Remizov A.M. Izbrannye proizvedenija [Selected Works]. Moscow: Panorama, 1995, pp. 396-397.
4. Remizov A.M. Pamjati Shestova [Memory Shestova] // Poslednie novosti. Parizh, 1938, 24 Nojabrja.
5. Remizov A.M. Sochinenija: V 8-mi tomah [Compositions: the 8 volumes]. Saint-Petersburg: Shipovnik, 1910-1912.
6. Remizov A.M. Sonnik [Dreams]. «Volja Rossii», Berlin. 1926. kn. 8-9, pp. 232-233.